

10.4

АЛЕКСАНДРЪ АМФИТЕАТРОВЪ.

СОВРЕМЕННЫЯ СКАЗКИ

1-ый выпускъ.

Сказка объ Иванѣ-мужикѣ и Петрѣ, запорожскомъ казакѣ.

3-ья тысяча изданія.
Предоставлена авторомъ
въ распоряженіе Бунда.

ЖЕНЕВА.

Типографія Бунда.

Imprimerie israélite, Rue de Carouge 81, Genève, Suisse.

1905.

АЛЕКСАНДРЪ АМФИТЕАТРОВЪ.

СОВРЕМЕННЫЯ СКАЗКИ

—❧—
1-ый выпускъ.

Сказка объ Иванѣ-мужикѣ
и Петрѣ, запорожскомъ казакѣ.

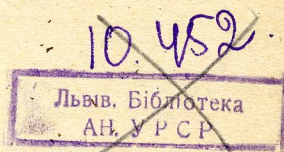
3-ья тысяча изданія.
Предоставлена авторомъ
въ распоряженіе Бунда.

ЖЕНЕВА.

Типографія Бунда.

Imprimerie israélite, Rue de Carouge 81, Genève, Suisse.

1905.

Р 5-644

Львівська державна
наукова бібліотека

№ 2537

СНАЗКА ОБЪ ИВАНЪ - МУЖИКЪ И ПЕТРЪ, ЗАПОРОЖСКОМЪ КАЗАКЪ.

1

Жили-были два мужика, родные братья, Иванъ и Петръ. Деревня ихъ была, хотя огромнѣйшая, но глухая, и темная. Время стояло крѣпостное, лютое. Господа проживали по столицамъ, либо на теплыхъ моряхъ, на кислыхъ водахъ. А надъ мужиками верховодилъ управитель. И былъ онъ, какъ водится, нѣмецъ. И былъ нравомъ звѣрь. Была отъ него вся деревня, такъ что даже сосѣди удивлялись: какъ это господа не слышать и почему они того изверга не прогонять?

Собрались однажды мужики, всѣмъ опчествомъ, по тайну, на сходку, въ рощѣ, за деревнею, посоветоваться между собою, что же это, наконецъ, за жизнь ихъ стала, и какъ имъ нести ее впродъ? И всѣ ругали и проклинали нѣмца. И всѣ, ругая и проклиная, оглядывались другъ на друга: не предашь ли, братъ? И всѣ, въ одинъ голосъ, причитали:

— Ахъ, расподлецъ ты души своей, чертовъ нѣмецъ! Еслибы только наши добрые господа знали, каковъ ты, идолъ, на свѣтѣ живешь!

А мужикъ Иванъ, — какъ былъ умяѣ прочихъ и, къ несчастію, будучи обученъ дьячкомъ Кутейкинымъ грамотѣ, развратился отъ молодыхъ лѣтъ чтеніемъ сокращенной исторіи Кайданова, — прибавлялъ еще съ дерзновеніемъ:

— Безпрѣмѣнно надо намъ смиреннѣйше и почтительнѣйше просить нашихъ добрыхъ господъ, чтобы они этого свирѣпаго нѣмца отъ насъ убрали и впредь бы никакихъ нѣмцовъ намъ не присылали, но пусть всемилостивѣйше рѣшатъ намъ управляться бурмистрами изъ собственныхъ выборныхъ. Ибо всякій нѣмецъ есть басурманъ и челоуѣкъ пришлый, а мы люди земли. И, коль скоро добрые господа наши соблаговолятъ къ униженнѣйшей просьбѣ нашей снизойти, то устроится у насъ, съ великодушнаго разрѣшенія добрыхъ господъ нашихъ, такое „сѣверное народоправство“, что и Новгороду, и Искову въ носы чкнетъ, и Николаю Ивановичу Костомарову на томъ свѣтѣ радостно чкнется!

Такъ смѣло говорилъ Иванъ, что сперва опчество даже испугалось было: не переодѣлся ли Иваномъ Михайло Александровичъ Стаховичъ? Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, опчеству мужественныя Ивановы слова ужасно какъ понравились, и все опчество принялось Ивана за справедливостъ его хвалить:

— Ухъ, голова у насъ Иванъ! Ухъ, умная голова! Отчаянная голова! Одно слово: Мининъ и Пожарскій, башка съ кишками, — вотъ какая голова.

Иванъ же, укрѣпляясь, сочувствіемъ опчества, продолжалъ:

— Главное теперь, чтобы почтительнѣйше и преданнѣйше довести это мудрое и законное ходатайство наше до свѣдѣнія нашихъ кроткихъ и справедливыхъ господъ. Ибо всѣ наши несчастія истекаютъ изъ того, что Богомъ данные господа наши никогда и ничего о нихъ не знаютъ. Когда же узнаютъ, то, несомнѣнно, не замедлятъ неудобства житія нашего прекратить и дадутъ намъ управляться, какъ мы сами того желаемъ. Тѣмъ болѣе, что, въ концѣ концовъ, это имъ же выгоды — нашимъ добрымъ и великодушнымъ господамъ.

— Вѣрно! возопила громада. Молодчина Иванъ! Плевако Иванъ! Имъ же выгоды! Только бы довести до свѣдѣнія! Почтительнѣйше и смиреннѣйше! Не замедлятъ прекратить и учредить!

И лишь меньшей братъ Ивановъ, мужиченко Петръ, — бобыль опыта горькаго и жестокаго и характера скептичес-

скаго, — не вопилъ и не восторгался, но, вытянувъ впередъ руки, сложилъ персты свои въ двѣ ядренныя дули и твердилъ:

— Чорта съ два! Вотъ что вы отъ господъ за почтеніе и смиреніе ваше получите! Держите карманъ шире, а то просыпете! Чорта съ два! Съ масломъ выкусите! Чорта съ два!

И отзывался о кроткихъ и справедливыхъ господахъ своихъ въ стилѣ столь лапидарномъ, что даже бѣлыя березыньки покраснѣли, а, краснѣя, подумали:

— Есть же, прахъ его побери, выразительныя слова въ этомъ миломъ, славномъ, старомъ русскомъ языкѣ! А еще академія наукъ его реформировать собирается!

А сходка растерялась, и даже вольнолюбивый Иванъ, каковъ ни былъ Мирабо, замѣтилъ Петру съ укоризною:

— Какъ - ты, братецъ, это такъ? Развѣ можно? Конечно, если хочешь, господа... они... надо сознаться, съ одной стороны... Но, съ другой стороны... такъ нельзя!!! Надо лойяльно!

Петръ же отвѣчалъ:

На крѣпкомъ словѣ не взыщите, но простая рѣчь моя — въ центру и самая правильная!

Сидѣлъ тутъ за кустомъ въ оврагѣ Петровъ племянникъ, а Ивановъ сынъ, Егорка-цѣловальникъ, продажная совѣсть, процентная душа. Все выслушалъ, — и къ нѣмцу:

— Такъ и такъ, — говорить, — имѣю честь лепортовать... Хоша оные злодѣи, къ прискорбію моему, приходятся мнѣ тятеньки и дяденьки, иначе, коль скоро въ томъ есть моя прямая выгода, то — ежели, къ примѣру, тридцать сребренниковъ... усердіе мое къ господамъ и вашей милости завсегда превыше всего!

Нѣмецъ тридцать сребренниковъ отсчиталъ, а донесеніе Егоркино записалъ въ книжку:

— Ладно!

И пошла переборка по опчеству: кого на конюшнѣ дратъ, кого въ дальнія деревни сослать, кого въ солдаты

сдать, кого заточить въ темные подвалы на хлѣбъ и на воду. Привели и Петра съ Иваномъ. Ивану нѣмецъ сказалъ:

— Ты! Поштителнѣйши и смиреннѣйши! Думаль на мнѣ шальфаться, dummer Kerl?! О, сукинъ сынъ! darfst du warten! Долженъ mit ein горькій опытъ познавать, wo jetzt истинные раки зимуютъ!

И разложилъ.

Петру же отъ нѣмца и тѣхъ ласковыхъ словъ не было. Только зубами на него заскрипѣлъ, да возопилъ не своимъ голосомъ:

— Драть ферфлюхте каналья! Драть, драть и... драть!!!

2.

Выдрали Ивана и Петра и повезли на одной подводѣ въ ссылку, въ дальнюю деревню. Иванъ въ телѣгѣ на брюхѣ лежитъ, потому что сѣсть никакъ не можетъ, плачетъ:

— Какой произволь! Какое необразованіе!

Петръ, — тоже лежа на брюхѣ, по причинамъ отъ него независящимъ, — отзывается:

— Черти!

На каждомъ этапѣ Иванъ повѣствовалъ жалостно, какъ нѣмецъ истязалъ его, и даже показывалъ желающимъ свою изсѣченную спину — и, притомъ, правдивая Клію добавляетъ: совершенно бесплатно! Тѣмъ не менѣе, сочувствіе получалъ недостаточное. Люди слушали, смотрѣли, зѣвали и говорили:

— Это, братъ, мы давно знаемъ, что — которые люди господскіе, завсегда ихъ превосходнѣйше дерутъ... Самихъ, братъ, въ три кнута жарятъ: пробованные! Ты намъ покажи чтó поновѣе, а спины то мы тебѣ, коли хошь, еще и не такія объявимъ!

Петръ никому ничего не показывалъ, ничего не рассказывалъ; а только знай тряся въ телѣгѣ, лежа на животѣ, да бурчалъ себѣ подъ носъ:

— Черти!

И жили братья въ дальней голодной деревнѣ на голодномъ пайкѣ, и пасли свиней, и питались быліемъ. А, въ промежуткахъ свинопасенія, вели крамольные разговоры.

Иванъ восклицалъ:

— E pur si muove! И, всетаки, она вертится! Главная штука — это: почтительнѣйше и смиреннѣйше привести нашихъ кроткихъ и справедливыхъ господъ къ сознанію, сколь намъ необходимо, а имъ выгодно, чтобы мы управлялись не посторонними нѣмцами, но собственнымъ выборнымъ бурмистромъ!

Петръ же никакихъ мнѣній не высказывалъ, но, какъ затвердѣлъ, такъ и продолжалъ бурчать одно:

— Черти!

Такъ что Иванъ началъ даже обижаться:

— Что это, право, Петръ? Или у тебя другихъ словъ нѣту?

Петръ задумчиво возражалъ:

— А и то, братъ, никакъ не осталось: всѣ отшиблены.

— Черти да черти... Ужъ и не разобрать иной разъ, кто это черти то у тебя выходятъ!

— Всѣ... вообще... которые...

— Этакъ, пожалуй, и я у тебя скоро въ чертяхъ окажусь?!

Петръ не отвѣчалъ, но въ глазахъ его, — послѣ нѣмцовой порки, совершенно утратившихъ способность быть зеркаломъ души, — мелькали сомнительныя искорки, какъ бы говорившія:

— А ты думалъ: въ ангелахъ?! Кишка тонка!!!

По маломъ времени, довѣдался нѣмецъ-управитель о свиданіяхъ Ивана съ Петромъ и конверсаціяхъ ихнихъ и опять распорядился, чтобы обоихъ нещадно драть. И выдрали бѣднягу Ивана, — ужъ и не знаю, въ который разъ! — и со спины, и съ брюха, — самымъ полнымъ и жестокимъ манеромъ. И плакалъ, и вопилъ бѣдный Иванъ, такъ что опять къ сосѣдямъ было слышно, и опять сосѣди сожалѣли, качали головами и ахали:

— Ну, скажите, чего только съ этимъ несчастнымъ

Иваномъ не дѣлають? Прямо ужасно, какъ онъ сегодня кричить! Очень, очень жаль, какъ отвратительно эти люди своимъ нѣмцомъ управляются...

Послѣ экзекуціи Иванъ, по обычаю, пошелъ искать гласности: прохожихъ останавливать и передъ каждымъ заголяться:

— Посмотрите, добрые люди, какое звѣрство: вѣдь меня высѣкли!

Прохожіе смотрѣли и соглашались:

— Дѣйствительно, высѣкли.

— Но вѣдь это же подлость! возмущался Иванъ.

Прохожіе соглашались:

— Разумѣется, подлость!

— Но вѣдь такъ же жить нельзя?

Прохожіе признавали и то, что такъ жить нельзя. Но нѣкоторые прибавляли:

— Вотъ, мы и удивляемся, что вамъ еще въ охоту такъ жить, и зачѣмъ вы такъ живете?

Тогда Иванъ горько трясъ головою, стучалъ кулаками въ грудь, моргалъ слезными глазами и восклицалъ:

— Да! Хорошо говорить!... А попробовали бы вы... Плетью обуха не перешибешь... Вы нашихъ условій и нашей психологіи не знаете!

И, если не шелъ отъ потрясенной психологіи въ кабакъ, то переходилъ къ слѣдующему доброму человѣку — опять искать гласности и опять заголяться:

— Неправда ли, меня высѣкли?

— Да, очень видно, что высѣкли.

— Неправда ли, это подлость?

— Да, ужасная подлость.

— Неправда ли, такъ жить нельзя?

— Конечно, нельзя. И какъ вы только еще живете?

— Ага! Вотъ то то: вы нашей психологіи не понимаете!

Разъ двадцать въ день этакъ заголится и къ вечеру утѣшенъ спать ляжетъ: обрѣлъ гласность — исполнилъ гражданскій долгъ!

Покуда Иванъ-мужикъ, обходя добрыхъ людей, демонстрировалъ свое изсѣченное тѣло, Петръ распорядился собою нѣсколько иначе. Когда сотскій постучалъ подъ окномъ его избушки, что, молъ, иди, другъ Петра, на конюшню сѣчься, — Петръ съ кротостью отвѣчалъ:

— Слушаю. Какъ скоро, такъ сейчасъ!

Но затѣмъ выбрался черезъ другое окно во дворъ, со двора черезъ плетень — въ поле, съ поля — въ рошу, изъ рощи — въ темный лѣсъ... только Петруху и видѣли! И бѣжалъ Петръ, бѣжалъ, покуда не очутился онъ въ вольной степи, у тѣхъ ли славныхъ, удалыхъ запорожскихъ казаковъ. И зажилъ онъ съ казаками въ ихъ Сѣчи вольнымъ казацкимъ бытомъ, а прежнихъ господъ своихъ и нѣмца-управителя только въ недобрыхъ снахъ видалъ и потомъ цѣлыми днями отплевывался. Тоже часто грезился ему и Иванъ-мужикъ — и все грустный такой, все съ попреками.

— Ахъ, братъ ты мой Петръ! Любезный ты мой Петръ! На кого ты меня покинулъ? Для чего ты поддался духу любоначалія, своеволія и мятежа? Для чего оставилъ страждущую въ рабствѣ родину и удалился къ буйнымъ запорожскимъ казакамъ? Сѣкутъ меня, бѣднягу, теперь одного одинешенька, и одинъ хожу я по міру показывать свою драную спину. А — были бы мы, Петръ, вмѣстѣ, — драли бы насъ вмѣстѣ, и показывали бы мы вселенной двѣ драныя спины, что для публики, самъ понимаешь, много чувствительнѣе. А ты не захотѣлъ! плоть свою возжалѣлъ!... Эгоистъ ты, другъ Петръ! не любишь терпѣть... эгоистъ! торопыга! себялюбецъ!... Ты сегодня потерпи, завтра потерпи, послѣзавтра потерпи, денекъ за денькомъ, годокъ за годкомъ, анъ — глядь: терпѣлъ, терпѣлъ, да и дотерпѣлся...

— Чертъ ли тебя двужилнаго, перетерпить! скажетъ Петръ и отъ злости даже проснется.

По нѣкоторомъ времени, началъ Иванъ Петру сниться

уже не столь слезный и мрачный, но скорѣе какъ бы радостный: руки въ боки, — оки въ потолоки, — и все хитро-хитро веселыми глазами подмигиваетъ.

— Неужели дотерпѣлся? удивляется Петръ.

А тутъ — какъ разъ и письмо отъ Ивана:

— Милый братъ, какъ есмь я отпущенъ господами въ градъ Киевъ для поклоненія угодникамъ, то при семъ счастливымъ случаѣ, желаю съ тобою видѣться, а домашнихъ новостей нашихъ имѣю тебѣ рассказать полонъ ротъ.

Обрадовался Петръ, что свидѣлся съ братомъ. А Иванъ предъ нимъ, и впрямь, какъ во снахъ было, гоголемъ ходить и ухъ какимъ молодчиною ухмыляется.

— Прежде всего, — говорить, — я, милый братъ, приглашаю тебя возвратиться въ нашу деревню, потому что у насъ теперь стоятъ другія времена. Старый управитель померъ: нашелся бравый парень, давай ему Богъ здоровья, — пропоролъ нѣмцу брюхо вилами! И теперь господа посадили намъ новаго управителя. И онъ даже не нѣмецъ, а только въ нѣмцы нанялся. Смирный-пресмирный, ласковый-разласковый... добрѣйшей души господинъ и характера благороднѣйшаго!... И все, за что намъ съ тобою наемни спину стегали, — теперь наплевать: всякому говорить разрѣшается!... Ни розогъ, ни подвала, ни дальнихъ деревень — ничего!... Не житье, а малина!... Пойдемъ-ка, братъ, назадъ? а? Сходокъ что у насъ, сходокъ! Каждый божій день на завалинкѣ сидимъ, печатные пряники ѣдимъ, пиво, медъ пьемъ и о выборныхъ бурмистрахъ разговариваемъ... Пойдемъ! Горло у тебя зычное, говоришь красно, — полезнѣйшій будешь намъ человекъ. А говорить — вали во всю, что хочешь: новый нѣмецъ держится такого соображенія, что, ежели бумага все терпитъ, то и отъ слова ничего не станется.

Посмотрѣлъ Петръ на Ивана, почесалъ въ затылкѣ и спрашиваетъ:

— А онъ у васъ безсмертный?

— Кто?

— Да новый управитель вашъ?

— Ну! Скажешь тоже! Кто смерти не подвластенъ?

Единъ Богъ безсмертенъ. Всѣ помремъ, — и управитель
помереть.

Засмѣялся Петръ. Еще спрашиваетъ :

— А къ мѣсту своему онъ у васъ какъ — гвоздемъ
прибить или винтомъ привинченъ?

— Господь съ тобою? Зачѣмъ?

— Зачѣмъ, чтобы господа его съ мѣста убрать не могли
и посадить другого, а тотъ съ васъ остатныя шкуры спу-
стить, которыя еще послѣ перваго нѣмца на тѣлѣ живутъ.

Покосился Иванъ съ неудовольствіемъ.

— Ужъ ты, Петръ, всегда про господь! Нѣтъ въ тебѣ
къ нимъ пріятности... А они, братъ, ежели съ ними лояльно,
люди ничего себѣ, право, ничего: вотъ — попросили мы у
нихъ довѣрія, — они намъ довѣріе оказали... Это не
шутка, братъ, съ господскимъ довѣріемъ жить! Довѣріе —
сила! Довѣріе заслужить и оправдать надо!

Опять засмѣялся Петръ.

— Довѣріе? А ты, Иванъ, это слово понимаешь?

— А чего въ немъ не понять? удивился Иванъ. До-
вѣріе — такъ оно довѣріе и есть.

— Да хоть бы то понять надо: кто въ чьемъ довѣрїи
то нуждается, кто у кого довѣрія долженъ искать? А то
больно ужъ глупо это у васъ выходитъ. На всемъ бѣломъ
свѣтѣ нынѣ господа народъ о довѣрїи просятъ, чтобы народъ
имъ довѣріе оказалъ, не гналъ бы ихъ прочь отъ себя въ
три шеи, — а вы, въ своей деревнѣ, все предъ господами
на колѣнкахъ стоите: не вовсе казните свой народушко,
дайте передохнуть, — окажите намъ довѣріе, господа ми-
лостивые!

Поморщился Иванъ. Говорить:

— Да вѣдь это -- мало ли что тамъ, какія вольности
у васъ за рубежомъ!

Отвѣчаетъ Петръ съ хладнокровіемъ:

— Такъ вотъ и я лучше ужъ посижу тамъ, гдѣ воль-
ности: за рубежомъ.

— Напрасно, — возражаетъ Иванъ. Ты, братъ Петръ,
развратился сомнѣніями и утомился страхомъ. А истинно

повторяю тебѣ: бояться совсѣмъ нечего, новый нѣмецъ — честный и добрый.

— И давай вамъ Богъ, ребята! Только вотъ и тебѣ мой совѣтъ: заключите вы съ нимъ, съ вашимъ добрымъ нѣмцемъ, такой довѣчный контрактъ, чтобы не могъ онъ, нѣмецъ вашъ, ни помереть, ни характера своего переменить, ни отъ господъ мѣста лишиться.

Обидѣлся Иванъ.

— Зубоскалишь все, Петръ, нельзя съ тобою серьезно говорить. Развѣ такое мыслимо?

— А, ежели немислимо, то, стало быть, и весь этотъ твой разговоръ о добромъ нѣмцѣ — самый пустой. Брось! Былъ злой нѣмецъ, — померъ; посадили нѣмца добраго, — помереть и онъ, либо смѣстятъ его: гадай, Иванъ, по пятницамъ, какого новаго чорта посадятъ. Пожалуй, хуже прежняго въ когти приметъ... Что, скажешь, голубчики? что, чоровы куклы? отдохнули? жирами обросли? господскій страхъ позабыли?

— Нѣтъ, ужъ это — дудки! пріосанился Иванъ. Этого больше нельзя. Этого мы надъ собою не позволимъ!

— Такъ таки вотъ и не позволишь?

— Такъ таки вотъ и не позволю!

Ничего не сказалъ Петръ, только прищурился на брата:

— Ой ли?!

Покраснѣлъ Иванъ....

4.

Сталъ Петръ Ивана спрашивать про семью. Иванъ обрадовался переменѣ разговора, — хвалится:

— О! — говоритъ, — живемъ прекрасно, съ прежнимъ не сравнить! Такое благораствореніе воздуховъ, такое умягченіе природы... одно слово, весна! Слободы, братецъ ты мой, слободы этой самой — хоть обожрись! Вотъ

только одно горе: дочка Софьюшка у меня все хвораетъ, а то — живи, да Бога хвали.

— А что съ Софьюшкою?

— Эхъ, братъ! Нарекли мы ее Софіей, думали, что вырастетъ премудрость, — анъ, вышла востра, да глупа. Познакомилась, живши въ Питерѣ, съ студентами и тоже, вродѣ тебя, Петруха, обучилась господъ не одобрять. Ну, покамѣстъ въ четырехъ стѣнахъ, съ оглядкою, — оно ничего... и самъ я люблю почесать языкъ на счетъ господъ, — что грѣха таить?... А Софьюшка — на поди: съ подобными то словами — вышла на Невскій, да во все горло ихъ и заявила!...

— Молодецъ — дѣвка! одобрилъ Петръ.

Но Иванъ возразилъ съ неудовольствіемъ:

— Чего молодецъ, если ей сейчасъ же за это конный городской Фуллонъ шашкою щеку отрубилъ? А дворники ее съ ногъ сбили, на тротуаръ повалили, да, ножищами — сапожищами пиная, ребра ей переломали, чрево истоптали, на вѣкъ не человѣкомъ сдѣлали... Ужъ такъ намъ ее, бѣдненькую, жаль, такъ жаль...

— Славно! говоритъ Петръ. Хорошія дѣла творятся у васъ при добромъ нѣмцѣ! Нечего сказать, — есть за что записать въ поминанье!

— Теперича, — рассказываетъ Иванъ, — начальство Софьюшку держать въ Питерѣ больше не желаетъ, но прислало къ намъ въ деревню — вродѣ какъ бы для излѣченія.

— Вона! Да у васъ, въ деревнѣ, поди, и дохтуровъ то нѣту?

— Дохтуровъ нѣту. Они были, дохтура, — даже цѣлая тройка. Да, вишь ты, Сергѣя Петровича начальство на войну вытребовало изъ раненыхъ пули таскать; на Ивана Ивановича батюшка-попъ прогнѣвался, зачѣмъ въ кита не вѣрить, который Іону-пророка поглотилъ, — такъ Ивана Ивановича инспекторъ Лилѣвъ и профессоръ Гурляндъ въ Камчатку сослали. А Исай Мойсеевичу, — какъ они будучи евреи, — становой приказалъ отъѣхать отъ насъ въ черту осѣдлости,

въ городъ Кишиневъ, а тамъ его, горемыку, какой то запасной сейчасъ же и закрушеванилъ...

— Чисто! воскликнулъ Петръ. Но Иванъ былъ непоколебимъ въ оптимизмъ.

— Хотя дохтуровъ не имѣемъ, — пѣлъ онъ, — но спасибо начальству, не оставляетъ вниманіемъ, кажинный день урядникъ заходитъ дочку провѣдать, каково поправляется.

— Рада, небось, Софьюшка то?

— А Богъ ее знаетъ, что у нея на умѣ... Мало она какъ то съ нами, стариками, нонче разговариваетъ... Все больше молчить, про себя думу думаетъ, да иной разъ зубами скрипитъ... такъ что оно, порою, даже жутко!

Поникъ головою Петръ, — и совсѣмъ, какъ въ старыя времена, вырвалось у него:

— Черти!

А Иванъ подхватилъ:

— Вотъ и Софьюшка тоже говорить... Только и словъ отъ нея слышимъ — и направо, и налѣво: — Черти! Черти!...

— Да — что дочери? продолжалъ онъ. Отрѣзанные ломти! За то я сыновьями утѣшенъ. Намедни Алеха писалъ съ войны...

— Съ кѣмъ воюете то? нехотя, спросилъ Петръ, — за что?

— А Господь его знаетъ, съ кѣмъ... Кажись, что съ бѣлымъ араномъ, который за китайскими чаями живетъ. А — кто говоритъ съ фараономъ и воинствомъ египетскимъ, иже въ пучинѣ морстей. Тоже есть еще Кашей безсмертный... мало ли ихъ... неприятелей?!... Развѣ наше дѣло знать? Воля царская, а понимать ее мы не можемъ, потому что люди темные, — пуцай господа понимаютъ...

— Ахъ, ты... — озлобился было Петръ, да и поперхнулся: съ такимъ безпредѣльнымъ добродушіемъ смотрѣлъ на него кроткій Иванъ во всѣ свои большіе, наивные голубые глаза. А Иванъ повелъ свою эпопею съ патріотическою гордостью и удовольствіемъ, точно читалъ вслухъ „Маленькое письмо“ А. С. Суворина:

— Хорошо, братъ, устроился на войнѣ мой Алеха! въ

большіе люди выходить! Пишетъ это онъ намеренъ, что—любезный нашъ тятенька! Въ первыхъ строкахъ сего моего письма кланяюсь вамъ и желаю добраго здоровья, и есмь я вашъ завсегдашній богомолецъ. А молиться у насъ, тятенька, весьма есть на что, потому что иконъ изъ Россіи наслали намъ видимо-невидимо. И всѣ онѣ чудотворныя, ибо каждая уже то чудо совершила, что къ намъ доѣхала. Потому что — которыя пушки къ намъ посылались, не дошли: генераль Альтфатеръ укралъ; которыя перевязки — не дошли: полковникъ Вишневскій укралъ; которая теплая одежда, — не дошла: камергеръ Александровскій укралъ. А иконъ никто украсть не пожелалъ, и дошли онѣ къ намъ всѣ до единой, и это есть ихъ первое великое чудо. Хотя изъ господъ офицеровъ, которые невѣрющіе, полагаютъ, будто бы сіе не столь по благодати, сколь потому, что безъ окладовъ. И такъ много у насъ теперича этой святости, что мы оною, за неимѣніемъ болѣе надежнаго матеріала (генераль Алексѣевъ укралъ!), блиндируемъ форты. Одначе, плохо помогаетъ, потому что непріятель супротивъ насъ — нехристь, и орудія у него наговоренная: прошибаетъ.

Еще извѣщаю васъ, любезный тятенька, что — хоша теперича прострѣленная моя рука не владаетъ, и лѣвую ногу лекарь отрѣзалъ по колѣно, окромя того правый глазъ вышибленъ прикладомъ, а зубы повыпали по причинѣ болѣзни, которая есть цынга, — но, при всемъ томъ, произведенъ я есмь въ унтеръ-офицеры и удостоенъ креста Св. Георгія для нижнихъ чиновъ и увольняюсь къ вамъ, тятенька, въ деревню, для вспоможенія вамъ въ вашихъ полевыхъ трудахъ земледѣлія.

И еще извѣщаю васъ, любезный тятенька, что крѣпость, которую мы отъ врага защищали, мы оному непріятелю сдали, а — зачѣмъ мы въ ней сидѣли, того доложить вамъ не могу: — начальство приказывало. Но только было чрезвычайно какъ голодно и холодно, и опять же которыя пушки — не стрѣляли, и которые корабли не ходили, и которое наше военное начальство... тутъ, братъ Петра, у его, у Алехи, черниломъ клякса посажена...

— Ужъ это всегда такъ бываетъ, что — въ коемъ мѣстѣ про военное начальство, тамъ клякса садится. О не-пріятелѣ что Алеха пишетъ?

— Пишетъ: „а у неприятели — усе!“

— Усе?

— „Усе — и даже сверхъ комплекта!“

— Ужъ это чего же больше, ежели усе!... А васъ, братецъ любезный Иванъ Селивановичъ, имѣемъ честь поздравить съ сыномъ, георгіевскимъ кавалеромъ, — большую подмогу отъ него въ хозяйствѣ получите!... Сохи ему, конечно, теперича не поднять, — ничего: пушай Егоріемъ землю ковыряеть... и то пахота!... Ахъ ты, горюнь! Ну, распоясывайся, качай свои благополучія дальше...

— Сынъ Егорка, — медленно сказалъ Иванъ, съ легкимъ конфузомъ и скосивъ глаза на сторону, — сынъ Егорка въ Питерѣ. Убѣжалъ изъ деревни, потому что очень забоялся народа, не пустили бы красного пѣтуха. Тоже... кормилецъ... утѣшаетъ... ништо! Покуда, — пишетъ, — имѣю мѣсто не такъ, чтобы очень: — состою при участкѣ сдѣльнымъ сыщикомъ. Но, старшему угодивъ и чрезвычайно какъ много сицилистовъ по начальству предоставивъ, жду скорого повышенія: общають назначить директоромъ въ Горный институтъ. Ежели же сего не удостоюсь, остается мнѣ одно: издавать газету умѣренно-полицейскаго направленія съ объявленіями отъ министерства, которое будетъ въ силѣ...

— Бываетъ и хуже... На Софьюшку то, на сестру то родную, не онъ, не Егорка донесъ?

— Какъ тебѣ сказать, братецъ? Точной увѣренности не имѣемъ, но... конечно, каждому свой кальеръ дорогъ, и каждый своимъ случаемъ къ кальеру долженъ дорожить.

5.

Промолчалъ Петръ, только оглядѣлъ Ивана съ головы до ногъ. Оглядѣлъ и изумился: никогда Иванъ щеголемъ не

былъ и обмундировкою не красовался, но теперь — ужасъ что: на плечахъ рубище дырявое, на ногахъ лапти стоптанные.

— Говоришь ты: управитель у васъ добрый, — сказалъ Петръ. Отчего же ты, милый человѣкъ, такъ горестно оборвался?

Иванъ отвѣчаетъ съ гордостью:

— А это мнѣ за мое вольномысліе и свободное слово.

— Ну?

— Я же тебѣ сказывалъ: при новомъ управителѣ у насъ кто хошь говори, что хошь!

— Ну?

— Но, ежели ты злоупотребляешь довѣріемъ...

— Ахъ, „довѣріемъ“?! Ну?

— И, взамѣнъ здравыхъ понятій, разводишь празднословіе и безмысленныя мечтанія...

— Ну?!

— То — сейчасъ тебѣ, по первому разу, штрафъ: что ты сработалъ, — не моги продавать въ розницу; опять проврался, — другой штрафъ: не моги продавать и оптомъ; еще разъ проврался, — третій штрафъ и шабашъ! закрывай лавочку: совсѣмъ работать не моги!

Ужаснулся Петръ.

— Вотъ такъ разбой! Эго хуже базарнаго правежа! То то ты, бѣдняга, изъ сапогъ въ лапти переобулся! Ахъ, горемычный!... А еще меня назадъ зовешь! И часто этакъ твою шкуру свѣжуютъ? каждый день или есть льгота на праздники?

Потупился Иванъ.

— Ужъ и каждый день!... Не все же... А конечно, безъ строгости нельзя... Но, за всѣмъ тѣмъ, я тебѣ истинно говорю: можно подъ новымъ управителемъ жить... Пойдемъ домой, Петра! давай на сходкахъ кричать!

Ухмыляется Петръ.

— А что, Иванъ, сколько лѣтъ ты на сходкахъ кричишь?

Подумалъ Иванъ.

— Много!

10.452

Львів. Библиотека
АН. УРСР

Львівська державна
наукова бібліотека

№ 2537

— А много выкричалъ?

— Ну-у-у... всетаки!

— Не утѣшай себя, братъ Иванъ: ничего ты себѣ не выкричалъ. Что барами дадено, только то у тебя и есть. А даденъ то тебѣ — по русски пишь, а по нѣмецки ку-пишь. А сказать ли тебѣ, Иванъ, почему это оно такъ выходитъ, что—сколько ты ни кричишь, ничего тебѣ изъ крика твоего не родится?

— А ну? полюбопытствовалъ Иванъ.

— Потому оно такъ, Ваня, что ужъ больно съ оглядкою ты кричишь. Сперва оглянешься, потомъ крикнешь, а потомъ, крикнувъ, опять по сторонамъ оглянешься: неравенъ часъ, сохрани Господи, не слыхалъ ли тебя кто прохожій — чужой человѣкъ?

Загрустилъ Иванъ.

— Это, пожалуй, правда твоя, Петръ, что я въ натурѣ своей слишкомъ много осторожности имѣю. Но, съ другой стороны, какъ же безъ оглядки то?

— А вотъ, Иванъ, недалеко ходить за примѣромъ: твоя дочка Софьюшка, пожалуй, вѣдь, и не оглядывалась, когда по Невскому съ студентами шла?...

Почесался Иванъ.

— Ну, ужъ это послѣднее дѣло — съ своихъ дѣтей примѣры брать! Яйца курицу не учатъ! Что жъ, что не оглядывалась? За то ей конный городской Фуллонтъ щеку и отрубилъ!

— А гдѣ, Иванъ, ты былъ, что ты дѣлалъ въ то время, какъ дѣтище твое кромсали шашками?

Сконфузился Иванъ.

— Я... жалѣлъ...

Посмотрѣлъ на него Петръ пристально:

— Жалѣльщикъ ты, жалѣльщикъ!

Сильно сталъ не въ духѣ Иванъ.

А Петръ его зудить:

— Тоже, братъ, хоть и далека Сѣчь, но и газеты мы читаемъ, и письма получаемъ отъ родственниковъ. Слыхали мы, какъ ты, — чѣмъ бы хорошій колъ въ руки взять, да

за дѣтище родное силою своею богатырскою заступиться, — за угломъ стоялъ, да жалкія слова причиталъ. Да еще и самъ потомъ его же, израненное дѣтище, корилъ и бранилъ, будто горячо оно слишкомъ, нетерпѣливо, полумѣръ не хочетъ, компромиссовъ не признаетъ, господамъ твоимъ и доброму управителю не вѣрить, а твое вольномысліе и свободословіе зоветь маниловщиною и жалкою постепеновщиною.

— Милый ты мой другъ, Петръ, — объясняетъ Иванъ, — но пойми же и ты, что они, ребятишки, дѣйствительно, всю мою обѣдню портятъ. Я все лажу на тишь, гладь и Божью благодать, а ребятишки на стѣну лѣзутъ. А ты, Петруша, какъ хочешь: вѣрь мнѣ или не вѣрь, но, если бы не эти ребячьи бунты, совсѣмъ было я, черезъ добраго управителя, съ великодушными господами нашими на счетъ „сѣверныхъ народоправствъ“ уговорился.

6.

Свистнулъ Петръ. Показываетъ пальцемъ въ поле:

— Видишь, собака бѣжить? Порода — бульдогъ. Хороша?

Посмотрѣлъ Иванъ.

— Песъ солидный. Не то, что на волка, — хоть и на медвѣдя.

— Такъ вотъ поди ты, — уговори ее, чтобы она тебѣ позволила ей зубы вырвать.

Очень обидѣлся Иванъ.

— У тебя, братъ Петръ, въ Сѣчи твоей сталъ заходить умъ за разумъ. Что ни скажешь, все какое то бессмысленное, невозможное.

— А то, на что ты уповаешь, еще невозможнѣе. Уговори бульдога зубы себѣ вырвать, — тогда я повѣрю, что ты и господъ на „сѣверныя народоправства“ уговоришь!... А — что домой зовешь, на томъ спасибо, — только не зачѣмъ, не пойду: довольно моей спины напрасно порото — порись,

братъ, самъ, ежели еще втерпѣжь и не стыдно! Истинное тебѣ слово говорю, Иванъ: тоска мнѣ и смерть на чужбинѣ, хоть и воля кругомъ, и рай земной. А назадъ, всетаки, не пойду. Потому что есть, Иванъ, нѣчто такое въ душѣ человѣческой, что ей даже и родины дороже, — и съ утратою того человѣкъ обращается либо въ скота, либо въ звѣря! Зовется оно, Иванъ, человѣческимъ достоинствомъ, и ужъ больно мудрено, Иванъ, слишкомъ тяжелый, мучительный, непрерывный подвигъ — сохранять его, живя въ вашей крѣпостной деревнѣ! Нехорошо, зазорно живетъ деревня, Иванъ, хоть и красиво ты разговариваешь. И даже такъ тебѣ скажу, что, чѣмъ лучше ты разговариваешь, тѣмъ зазорнѣе она — жизнь то твоя рабья — выходитъ!... Нѣтъ, Иванъ! Ты зови меня къ себѣ въ тѣ поры, когда ты разговоры красивые оставишь, а возьмешься за умъ — искать себѣ воли дѣломъ. На дѣлѣ я съ тобой хоть помереть радъ, а на завалянкахъ съ тобою сидѣть, да языкомъ лясы точить, — за это, братъ, не то, что спиною, — ногтемъ поплатиться жаль! не стоитъ!

А, — какое дѣло тебѣ надо дѣлать, — ты, если самому тебѣ старые мозги замстило, поди, спроси дочку свою Софьюшку, которой конный городской Фуллонъ щеку отрубилъ. У нея и голова будетъ посвѣжѣ твоей, да и сердце молодое, отзывчивое. Глупости эти, что яйца курицу не учатъ, ты, Иванъ, брось: поди и спроси Софьюшку, а она укажетъ.

Горить у меня душа вернуться къ тебѣ, Иванъ. Хорошій народъ запорожскіе казаки, да все — чужіе, а ты мнѣ братъ родной. Но вернусь я къ тебѣ, когда ты, Иванъ, перестанешь рассчитывать ариметику эту рабью: какой управитель злой, какой добрый, что при одномъ управителѣ можно, чего при другомъ нельзя, котораго надо бояться, а котораго — хоть съ масломъ въ кашѣ ѣшь. Вернусь я къ тебѣ помогать и о бокъ тебя стану, когда рѣшишься ты сказать всѣмъ своимъ управителямъ — и злымъ, и добрымъ — прямо въ глаза:

— Желаю я, Иванъ, отнынѣ быть самъ по себѣ. Походите вы отъ меня къ чорту, коли хотите быть живы!

А потомъ, Иванъ, пойдешь ты къ господамъ своимъ безъ

доклада, войдешь къ намъ безъ поклона, и станешь ты предъ ними, могучій и грозный, и скажешь имъ, господамъ своимъ, рѣшительное, твердое слово :

— Не хочу я больше и не позволю управителей вашихъ, хоть ангела съ небеси управлять пригласите. И не смѣйте, и не пробуйте мнѣ ихъ навязывать: не пушу. А хочу я и самъ найду такого управителя, чтобы былъ онъ безсмертный, и чтобы нельзя было его вамъ, господа почтенные, съ мѣста въ три шеи прогнать, и — чтобы и мнѣ, Ивану, и вамъ, господамъ, того неизмѣннаго управителя одинаково слушаться. А, кто управителя слушаться не станетъ, тому скатертью дорога на всѣ четыре стороны — въ чужое царство, въ не наше государство!... Живите тамъ, коли вамъ больше угодно, сами по себѣ, а мы будемъ сами по себѣ!

Слышишь, Иванъ? Чуешь, гдѣ дѣло, Иванъ? Вотъ когда будетъ, вотъ когда начнется дѣло, Иванъ!

7.

— Слышу, — отвѣчалъ Иванъ съ грустью. Не ново... Ты все свое, братъ Петръ!... Развѣ я спорю? Знаю самъ... Не возражаю... Но пойми же ты, упрямая голова: невозможно!... Противъ законовъ природы даже... Гдѣ я тебѣ такого безсмѣннаго управителя найду? Нѣтъ на свѣтѣ.

— Анъ есть! — сказалъ Петръ и посмотрѣлъ въ глаза Ивану. И не лукавъ, Иванъ — ты самъ знаешь, что есть, и найти его, если міромъ искать, не такъ ужъ безнадежно. Только искать его надо, не на завалинкѣ сидя, и не съ пріятелями хорошія слова разговаривая на пирахъ-бесѣдахъ, вечеринкахъ-гостеваньяхъ... Ртомъ то поработано — пора руками, ногами работать!... Поди ты, Иванъ, въ дремучіе лѣса, въ тонкія болота, въ широкія степи, что темною, голодною и холодною Русью зовутся. Пройдешь ты, Иванъ, сторону безденежную, пройдешь ты сторону безграмотную, пройдешь ты сторону безхлѣбную, пройдешь ты сторону без-

рабочую, пройдешь ты сторону безсудную, пройдешь ты сторону безправную, пройдешь ты сторону беззаконную, пройдешь ты сторону безземельную, пройдешь ты сторону безправную, пройдешь ты сторону безвольную, и, пройдя тѣ девять сторонъ, упрешься ты въ сырѣ-дремучій боръ. А въ томъ бору избушка, а въ избушкѣ живетъ богатырка — честная вдова, а той вдовѣ ни вѣка, ни смерти нѣтъ. И живетъ она, вдова, въ томъ бору и въ той избушкѣ — заточенная, а заточили ее, обманомъ и измѣною, господа наши — еще съ вѣчевыхъ временъ, когда они къ намъ на Русь наѣхали и нашу деревню въ удѣлъ взяли. И есть у вдовицы сынъ-богатырь, съ нею же живетъ въ заточеніи. И тоже нѣтъ ему ни вѣка, ни смерти. И имя той вдовѣ-богатыркѣ — Народная Воля, а сыну ея имя — Народный законъ. Вотъ, если ты вдову-богатырку въ дремучемъ бору отыщешь, изъ заточенія господскаго ее выведешь, а мудраго сына ея посадишь въ управители надъ собою и надъ господами, — тогда, Иванъ, дѣло твое будетъ правое и заживешь ты, какъ человѣкъ. А до тѣхъ поръ — другимъ собою не хвались и самого себя не обманывай: что съ управителемъ злымъ, что съ добрымъ, что подъ розгою, что подъ ласкою — такая твоя жизнь, что даже и не жизнь она, Ванюша милый!... Такъ — барахтающееся житіе, да и то, братъ, — холопское!

Р и м ъ.

6 (19) января 1905 г.

0, 66

(1986)

2537

Р.А.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Второй выпускъ „Современныхъ Сказокъ“: **Сказка о богинѣ. — Сказка о слонахъ.**

Третій выпускъ „Современныхъ Сказокъ“: **Грѣхопаденіе Минервы.**

Четвертый выпускъ „Современныхъ Сказокъ“: **Пѣсня о топорѣ. — Герой нашего времени. — Гимны. — Эпиграммы.**

PA 2537y